

УДК: 811'512.111'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145

ФУНКЦИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

М.В. Куцаева

ФГБУН Институт языкознания РАН

Б. Кисловский переулок, 1 стр. 1, Москва, Россия, 125009

В статье описываются функции чувашского языка в диаспоре: в настоящее время в силу исторических причин значительная часть этноса проживает в диаспорных группах за пределами Чувашской Республики (в самой Чувашской Республике наряду с русским чувашский язык является государственным). В социалингвистическом обследовании приняли участие около ста респондентов, этнических чувашей, проживающих в Москве и Московской области. В ходе обследования были определены следующие функции чувашского языка: символическая, фактическая (контактоустанавливающая), эмпатическая, коммуникативная, квазикоммуникативная, конспираторная, а также выяснено, на каком языке респондентам привычнее выражать свои эмоции и на каком языке/языках им снятся сны. В результате было установлено распределение функций чувашского языка по поколениям, в отношении функций языка выявлен ряд закономерностей, связанных с использованием языка в диаспорных условиях.

Ключевые слова: чувашский язык, диаспора, функции языка

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуется проблема функционирования чувашского языка в диаспорных условиях московского региона, конкретно ставится задача установить распределение функций чувашского языка в диаспоре (более половины всего чувашского населения России проживает вне Чувашской Республики в силу разнообразных исторических причин).

Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате опроса 100 этнических чувашей, как первого (см. таблица 1), так и второго поколения (см. таблица 2), проживающих на территории Москвы и Московской области, диктофонные записи респондентов, фиксация речи на электронных носителях.

Таблица 1

Количество респондентов первого поколения

Возрастная когорта	20—30	31—40	41—50	51—60	61—84
Количество респондентов в когорте	14	21	10	23	17

Таблица 2

Количество респондентов второго поколения

Возрастная когорта	18—30	31—40	41—50	51—60	61—71
Количество респондентов в когорте	6	4	3	1	1

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Под функциями языка понимаются «базовые и вторичные функции, которые выполняет язык как специфический феномен человеческой цивилизации, среди которых основная функция — быть средством общения» [Михальченко (отв. ред.) 2006: 235]. Прямого соответствия между сферой и функцией языка нет, поскольку в разные исторические периоды и под воздействием разнообразных экстралингвистических факторов сферу общения могут обслуживать разные языки или языковые образования, выполняющие неодинаковые общественные функции [Кондрашкина 2016: 461]. В условиях диаспорного проживания этнической группы это становится особенно очевидным: при крайне ограниченном использовании чувашского языка, тяготеющем к сугубо семейно-бытовой сфере общения, этнический язык тем не менее выполняет разнообразные функции в чувашской диаспоре.

В результате социолингвистического обследования нами были последовательно выделены символическая, фатическая, эмпатическая, конспираторная, коммуникативная, квазикоммуникативная, эмоциональная, сакральная функция, а также функция языка сновидений.

Символическая функция

В отношении чувашского языка в диаспорной среде нас интересует прежде всего **символическая функция языка**, которая, как подтверждают полученные в результате обследования данные, возрастает и приобретает особое значение вдали от малой родины. Язык играет роль символа групповой идентификации [Губогло 1998: 21], не являясь при этом средством регулярного общения между членами группы.

Во время посещения ряда мероприятий чувашской диаспоры в Москве нами отмечено использование чувашского языка в его символической функции при декламации отрывков из чувашского эпоса на родном языке, при обращении к членам диаспоры со сцены с приветственными словами на чувашском, при выступлении организаторов с официальной речью, которая затем переводилась на русский язык. «У нас в основном москвичи, русские работают в полпредстве. Поэтому в основном общение здесь чисто служебное — на русском, а общественное, когда мы проводим праздники, естественно, мы здороваемся, говорим на чувашском» (Анатолий Г., 73). На подобных мероприятиях, как-то: *Кёр Сăри* (праздник осеннего урожая), *Сурхури* (праздник зимнего солнцестояния), *Акатуй* (праздник плуга), звучат песни на чувашском языке, предлагается широкий ассортимент национальных чувашских блюд (*шăрттан*, *шурпе* и др.), при этом названия самих праздников, песен, блюд практически не переводятся, они известны даже тем, кто признает родным языком русский, но позиционирует себя этническим чувашем. Для тех, кто практически никогда не использует чувашский язык, возможность посетить мероприятия диаспоры — чуть ли не единственный способ произнести пару слов на чувашском.

В Москве регулярно организуются чувашские дискотеки, где выступают популярные чувашские исполнители и звучит современная чувашская музыка: «это

очень зажигательно, тем более национальный *чӑваш ташиши*, это национальный чувашский танец, наше танцевальное дискотечное направление» (Эльвира Е., 38). В режиме нон-стоп функционирует чувашское интернет-радио «Шупашкар FM»¹, тематикой которого также является современная чувашская эстрада. В социальных сетях востребованы сообщества, фокус-группой которых являются чуваша, проживающие в московском регионе.

В течение ряда лет в Москве проводился конкурс «Мускав чӑваш пики» («Московская чувашская красавица»), основной целью которого — как и аналогичных конкурсов, проводившихся в местах с компактным проживанием чувашского населения, например, в Татарстане, — наряду с популяризацией народных традиций является пропаганда культуры и языка среди молодежи (как первого, так и второго поколения). «У меня дочка выступала несколько лет назад на „Мускав чӑваш пики“, она первое место заняла. Я ей испекла большой каравай на рушнике. Она одевала на голову *тухью*. На конкурс. Сама она замуж выходила за русского, все у них по-русски. На этом празднике она пела, для нее песню написал наш чувашский композитор, у меня дома книга его есть. „Мускавсем, мускавсем, аякри ентешем“, „Дорогие москвичи“, ну как-то так переводится. Пела она эту песню. Ну интересно было! Хотя она исковеркивает слова все равно» (Надежда Л., 53 года).

90% опрошенных нами респондентов первого поколения (как активных, так и пассивных билингов) отметили важность чувашского языка прежде всего как символа малой родины, своих корней, маркирующего границы «свой—чужой». Ценность чувашского языка, как это ни парадоксально, повышается в глазах членов диаспоры первого поколения именно с переездом в другой регион (в самой Чувашской Республике чувашский язык по-прежнему, согласно опросам, среди городского населения идентифицируется с деревней [Алос-и-Фонт 2015: 16—17], а, следовательно, не является престижным). «Могу сказать, что с годами приходит малая родина; родной язык дает силы. У меня вспыхнул патриотизм, стала приходиться на концерты, стараюсь не пропускать» (Лилия Щ., 47). «Когда я в Чебоксарах жила, я даже не увлекалась чувашской эстрадой, всем чувашским, мне было это как-то параллельно. Но когда приехала в Москву, тоска какая-то появилась, не хватает чего-то. Это у всех. Именно приходят на мероприятия те люди, у которых тоска» (Эльвира Е., 38).

Язык в диаспоре выполняет свою символическую функцию и за пределами официально организованного мероприятия: «Дома на праздниках, когда песню пою, гостям объявляю, что спою песню на древнем языке наших родичей. „А что за язык?“ — спрашивают. А я говорю: „Послушайте!“» (Вячеслав И., 56). «У меня все друзья знают, что я с Чебоксар, что у нас есть чувашский язык. Они меня просят: «Скажи что-нибудь на чувашском языке!». Я совершенно не стесняюсь этого!» (Кристина Е., 23). «У нас есть много соседей чувашей. Мы вот на Новый год вышли на улицу с гармонью и пели чувашские песни. Они пришли на звук гармони, чувашских песен, мы так и познакомились!» (Эльвира Е., 38).

¹ [Электронный ресурс: URL: <http://vsefm.com/radio/shupashkar-fm/> дата обращения: 27 августа 2017 года].

Если символическая функция языка возрастает в диаспоре среди представителей первого поколения ввиду постепенного снижения коммуникативной функции, то в среде второго поколения — ввиду полного отсутствия последней (в словаре респондентов — лишь пару слов на чувашском, услышанных в детстве в чувашской деревне). В нашей выборке 95% опрошенных отметили следующие ситуации: «услышишь чувашскую речь и про себя отметишь: „О, *Шупаишкар!*“» (Анна А., 40), «заметишь машину с чувашскими номерами и скажешь себе: „*кил кунта* поехала!“» (Алексей А., 32). «Я вот по-чувашски до четырех или пяти считать до сих пор могу. Знаю, что в Чебоксарах был такой ресторан „Цветок“, а по-чувашски „*чечек*“ назывался. Вот, наверное, единственное слово, которое я помню и не забуду!» (Ксения С., 35).

Фатическая функция

Фатическая (контактоустанавливающая) функция языка — быть средством завязывания контактов между индивидами [Михальченко 2006: 96]. В нашей выборке в этой функции используют чувашский язык примерно столько же представителей первого поколения, сколько и в символической функции.

В диаспорной среде московского региона своеобразным приветствием или преамбулой к дальнейшему разговору (чаще всего — на русском языке) является чувашское выражение *хамър ял* (букв. *хамър* свой + *ял* село, деревня, т.е. своя деревня; множ. — «*хамър ялсем*»). «Буквально это переводится как «наша (своя) деревня», в последнее время это выражение пользуется популярностью у некоторой части молодежи и используется в значении «земляк» (Оксана А., 25)².

Практически все опрошенные согласились, что, услышав чувашскую речь на улице, они не останутся равнодушными. Одни «только отметят про себя» и чаще всего пройдут мимо: «если речь услышу, мне интересно, я обязательно обернусь, посмотрю. Иногда только могу сказать» (Наталья С., 32), объясняя это складом своего характера (застенчивость, скромность, замкнутость) или обстоятельствами: «важно чтобы люди были хорошие» (Наталья С., 32), «если девушка будет, то я бы поздоровался и познакомился» (Евгений Б., 27).

Большинство представителей диаспоры в первом поколении (в данном случае активные билингвы), по их признанию, пойдут на контакт. «Если я слышу разговор, я всегда говорю, земляки. *Хамър ялсем*, говорю» (Мария Л., 63). «Если речь чувашскую — землячки, конечно! Когда земляков видим, конечно, мы здороваемся. О, *хамър ял!* Да, всегда!» (Ирина Н., 44).

Одни используют «*хамър ял*» лишь для приветствия: «Я бы *хамър ял* сказала, а что, откуда и зачем — приставать бы не стала» (Татьяна Ю., 33), «я ездила в Петергоф, идет группа, я говорю: „Здравствуйте!“ Я им по-чувашски говорю, а они так удивленно посмотрели на меня! Поздоровались» (Татьяна А., 40). Другие —

² По словам организатора чувашской дискотеки в Москве, по случаю проведения одного из мероприятий было выпущено пятьсот футболок с надписью «Хамър ял», которые «на удивление быстро раскупили», что косвенно свидетельствует о роли этого «кодового» для чувашей в диаспоре слова при установлении контакта.

как преамбулу для дальнейшей беседы: «Если на улице... „хамър ял“ скажу. Вот сейчас много чувашей стало. На дороге едут или в магазине вижу. Я говорю: „Ребята, вы с какого района?“. Ну чисто вот интерес, я поговорю. Где работаете? На чувашском спрашиваю, конечно. Ну, говорят, что мы с такого, вот там-то живем. Я интересуюсь!» (Леонид П., 62).

Пассивные билингвы также активно пользуются этим «паролем» (Руслан Х., 36). «Если вдруг на улице услышу чувашскую речь, я остановлюсь и сразу говорю: „О, хамър ял!“». Слышу прям, своя речь пошла!» (Ольга Б., 55). «Но, если с кем-то придется заговорить, буду говорить, но в основном на русском. Но пару слов приветственных на чувашском обязательно скажу!» (Александр М., 44). «Если увижу земляков, подошел бы, поздоровался. Может быть, на чувашском бы сказал. *Хамър ял*, может быть, поздоровался бы как со знакомыми, с земляками» (Евгений С., 36).

Во втором поколении, напротив, большинство респондентов вовсе не пользуется чувашским языком при установлении контактов ввиду того, что не владеют языком, хотя, услышав чувашскую речь, тоже могут откликнуться: «Если провожу мимо и слышу тут, могу присоединиться. Ну как бы... откуда и что. Но по-русски. Я же по-другому не могу! Мимо не пройду скорее всего. Мимо речи» (Татьяна Л., 35). «Я обычно подхожу и спрашиваю. Здравьете, привет. На русском. Просто поклоняться. Да, вот я знаю, я тоже. Обычно народ на меня странно смотрит в такие моменты, но я не отчаиваюсь!» (Татьяна С., 27).

Лишь 17% респондентов во втором поколении в нашей выборке, имеющие определенный уровень владения чувашским языком, по их словам, используют его в фатической функции. «Несмотря на то, что я родилась в Москве, у меня большинство друзей с Чувашии. То есть мне важно, чтобы мои друзья были оттуда. Кто-то приезжает учиться, работать. Ну то есть, как-то так знакомишься! На чувашском, конечно» (Ольга Д., 28). «Даже если я найду чуваша на улице или узнаю, что он чувашин, я начну сразу по-чувашски! Так я подружку нашла» (Ксения В., 45).

Эмпатическая функция

Согласно полученным в нашем обследовании данным, чувашский язык используется членами диаспоры и для получения обратной эмоциональной связи от собеседника. В первом поколении 69% опрошенных используют чувашский ради «шутки», как правило с родными и близкими, независимо от того, является ли для них чувашский первым функциональным языком. В самых общих чертах назовем эту функцию **эмпатической**, поскольку она предполагает соперничество, эмоциональный отклик, реакцию.

Как выяснилось из бесед с респондентами, заметно чаще на чувашском в семейно-бытовой сфере шутят именно мужчины. «С мужем чаще на русском языке, но иногда бывает в шутку и на чувашском языке. В шуточной форме. У меня муж любит в шутку называть меня *карчак*! Мол, моя жена, моя старушка! Это слово мне не нравится, но ему это нравится!» (Маргарита Е., 43), «На чувашском здесь — только если в шутку с супругой» (Алексей Х., 29). «С мужем мы по-русски разговариваем, но так, шутя иногда, когда он шутит, по-чувашски. Может, это даже одно слово, которое где-то когда-то услышал. Мне тогда смешно» (Любовь Я., 58).

В эмпатической функции чувашский используется в диаспорной среде, хотя и реже, в разговоре с друзьями и знакомыми. «Я с подругами, бывает, разговариваю на чувашском. Это бывает очень редко. И только по приколу!» (Надежда К., 26). «Наш сотрудник всегда меня подкалывал на чувашском, и я его тоже в ответ! Знания мои он пытался проверить, наверное!» (Валерий Т., 59).

Опрошенные во втором поколении ни разу не упомянули использование чувашского в эмпатической функции, что позволяет сделать определенные выводы о том, что для того, чтобы получить обратную эмоциональную связь от собеседника на том или ином языке, требуется минимальный контакт с данным языком, соответствующее языковое окружение в прошлом или в настоящем.

Конспираторная функция

Общеизвестно, что при прекращении регулярной коммуникации на каком-то языке в языковом сообществе остаточные знания этого языка используются не только для групповой идентификации и шуток, но и в качестве тайного языка [Засе 2012: 448].

В выборке, как утверждают 46% опрошенных первого поколения, чувашский язык употребляется в **конспираторной функции**. Во-первых, чувашский используется ими с целью скрыть что-то от посторонних в общественном месте, во-вторых, — в качестве тайного языка в сфере семейного общения.

В общественном месте роль чувашского двоякая. С одной стороны, чувашский позволяет респондентам говорить о чем-то тайном, не предназначенном для посторонних. Особенно часто, как оказалось, этим пользуются женщины. «Чувашский — это если надо от кого-то что-то скрыть! Если есть чужие уши, непонятно же!» (Надежда К., 26), «Вот с подругой здесь в офисе на русском, но иногда на чувашском, чтобы никто не понимал!» (Ольга Е., 32), «Мы чувашский обычно используем с подругой, когда на эмоциях, не про близких, а на улице. Когда надо сказать что-то про человека... друг другу, чтобы этот человек не понял. Втихаря» (Лилия Е., 36). В настоящее время чувашский, по признанию ряда респондентов, употребляется ими в конспираторной функции и на письме, в основном, это, безусловно, делается намеренно: «если пишешь на чувашском, и кто-то на работе зайдет, не поймет о чем речь!» (Эльвира Е., 37).

В меньшей степени в конспираторной функции используют чувашский мужчины. «Да, бывает иногда, что секреты на чувашском обсуждаем» (Дмитрий М., 33), «А потом, когда мы уже познакомились на рынке, он мне говорит: „А ты по-чувашски-то знаешь?“. — Конечно! А он мне: „Ну все, секретничать можно!“» (Роза О., 45). Некоторые мужчины, по их словам, могут использовать бранные слова на чувашском: «В надежде, что никто не поймет!» (Владимир Н., 58).

С другой стороны, опрошенные отмечали, что им доводилось слышать, как чувашский язык в общественном месте с аналогичной целью использовали другие; тогда они невольно подслушивали чужие секреты. Респонденты в таком случае реагировали, по их словам, по-разному. «Было, что слышала, как вдвоем скрытничают, я тогда дала знать, что я понимаю. Подшепнула, но не сразу». (Лилия Е., 36). «Но даже вот сейчас в маршрутке едешь, женщины разговаривают, секретничают

на чувашском языке. Ну прям вот секретничают! Но я не сдаю себя, что я знаю!» (Эльвира Е., 38).

В таких обстоятельствах ценность чувашско-русского двуязычия в глазах билингов, несомненно, повышается, даже если в целом чувашский для них не является приоритетным языком: «Чувашский, наверно, для меня на последнем месте. Я так лично думаю, но с другой стороны, бывает, что в метро едем, я слышу: по-чувашски разговаривают. Я сижу, подслушиваю, но мне неприлично признаться, что я понимаю. Про себя думаю: „Я понимаю! А они же не знают, что я их понимаю! И как же хорошо знать несколько языков! Ты даже поймешь, кто тебе и что тебе о чем скажет!“». В эти моменты я чувствую себя особенной!» (Татьяна А., 40).

Во-вторых, чувашский язык используется в диаспорной среде в сфере семейного общения. В качестве тайного языка чувашский употребляется родителями в отношении собственных детей: «если мы хотим что-то сказать друг другу, чтобы дети не поняли, то это на чувашском можем сказать. Да, специально! А если нет такой цели, то при детях мы всегда на русском» (Елена Т., 34). Детей по разным причинам (нехватка времени, школьное обучение в московском регионе полностью на русском языке, повсеместная распространенность русского языка, низкая престижность чувашского языка в глазах респондентов, необходимость изучать иностранные языки) сознательно не обучают чувашскому языку, целиком полагаясь на то, что этот язык дети смогут освоить в чувашской деревне во время летних каникул³.

В нашей выборке представители первого поколения, уже ставшие родителями, усвоили эту модель с детства и теперь пытаются внедрить ее в жизнь в отношении своих детей: в приоритете — русский язык, чувашский — если получится, в деревне летом. Правда, потом, по их многочисленным признаниям, не столь успешно удается применять чувашский в конспираторной функции. «Допустим, я хочу сказать то, что я бы не хотела, чтобы дети услышали, тогда мы с мужем начинаем на чувашском общаться, а сын кричит: „А почему так?!“». А он-то понял!» (Ольга Т., 32). «По-чувашски разговариваем дома, чтобы дети не поняли. Это часто бывает! Но старшая понимает и может тебе и в ответ дать! А младшая пока еще нет, но я думаю, что она тоже понимать начинает» (Маргарита Е., 43).

³ Подобное языковое поведение характерно не только для членов диаспоры, но и для нескольких поколений чувашей, проживающих в крупных городах Чувашской Республики, доминирующим языком в городах и столице является русский язык, несмотря на то, что титульными языками в Республике признаны и чувашский, и русский [см. Алос-и-Фонт 2015]. По воспоминаниям одной из респонденток, по-чувашски она научилась разговаривать еще в детстве, поскольку каждое лето проводила в деревне, где бабушка с дедушкой говорили только по-чувашски. «Все равно среда определенная была вокруг, многие на чувашском. И ты волей-неволей в себя это впитываешь. Это разговорно-бытовой чувашский, конечно. И потом в городе мама с папой между собой на чувашском обсуждали что-то. Да все родители так делают! А наши родители, получается, вначале — да, от нас какие-то секреты скрывали, но в итоге, когда мы повзрослели, мы сказали: „Ну чего вы там шифруетесь? Мы все и так знаем!“». И родители теперь просто разговаривают между собой, потому что им так удобно» (Ирина О., 33).

«С мужем по-чуваши, если жалуешься на детей. Сейчас старшая начинает понимать, в деревню ездим, а раньше очень удобно было! Иной раз я думаю, учить ли ее чувашскому языку. Ведь будет все понимать тогда!» (Наталья С., 32).

Во втором поколении 27% опрошенных упомянули чувашский язык в связи с его использованием в качестве тайного языка. Одни из них активно владеют чувашским и используют его в конспираторной функции наравне с представителями первого поколения, как в общественной, так и в семейно-бытовой сфере: «Если секрет какой-то надо сказать с мамой, я тогда на чувашском языке, чтобы муж мой не понял! И на работе у меня была подруга чувашка, мы на чувашском секретничали. А другая у нас в отделе придет: „Опять! Таня, Ксения начинают между собой по-своему лялкать!“». В общем, когда по секрету надо сказать, я сразу на чувашский перехожу! Это у нас как-то все уже понятно, принято. Раньше мы так сидели во дворе, допустим, от русских. На чувашском. Или даже дома от брата, он был маленький, когда бабушка умерла и в деревню не ездил, язык плохо знал поэтому» (Ксения В., 46).

Примерно столько же респондентов во втором поколении, упомянувших чувашский в качестве тайного, являются пассивными билингвами: они обладают навыками понимания, но сами синтезировать текст на данном языке практически не в состоянии [Михальченко 2006: 162]. При этом использование чувашского языка в их сознании имеет четкие ассоциации с «каким-то секретом», «тайной». «Чувашский — мой родной язык, я его понимаю, но я как бы я не разговариваю. Но хорошо, что я его понимаю, он мне интересен, он мне нужен! Ну, чтобы понять, что, может, от меня родители скрыли что-нибудь» (Татьяна Л., 35).

Мотивы, которые движут родителями, помимо чисто практического удобства быть в определенной ситуации непонятым, обсудить «взрослые» темы при ребенке, очень хорошо описаны одной из наших респонденток: «Родители между собой говорили на чувашском, им было удобно, они говорили, что таким образом они обсуждают взрослые вопросы между собой. Им было удобно, что я их не понимаю. Они мне всегда говорили: „Мы, когда в восьмом классе были, поехали в районный интернат жить, над нами русские смеялись, что мы не умеем хорошо говорить по-русски. У нас очень плохой русский язык был“. То есть в этом плане у них была такая мысль, что русский важнее» (Татьяна С., 27).

Коммуникативная функция

Чувашский язык используется в диаспоре и в коммуникативной функции, одной из базовых функций языка: быть средством человеческого общения [Михальченко (отв. ред.) 2006: 92]. Здесь в значительной степени проявляется разрыв между первым и вторым поколениями в использовании чувашского в качестве средства общения: 57% и 13% соответственно.

В первом поколении в выборке — в том числе и на чувашском — в диаспорной среде общаются в основном активные билингвы, выходцы из деревень и небольших населенных пунктов, которые с детства разговаривали на чувашском языке. В московском регионе на чувашский они переходят как в семейно-бытовой сфере, с родственниками своего возраста или старше, или на работе (работники

сферы бытового обслуживания): «Здесь я разговариваю на чувашском часто, на работе тоже, я поваром работаю. И с сестрой, когда встречаемся, разговариваем на чувашском» (Нина П., 54), «на работе бывает на чувашском, как же! Значит, сидим и разговариваем на работе по-чувашски. Кто-то пошел, мы сразу русский начали» (Вера А., 53).

Чувашский язык, как выяснилось, активно используется и в профессиональной коммуникации, в связи с тем, что многие представители диаспоры в силу своей специальности и квалификации заняты на строительных объектах. «В Москве на чувашском тоже разговариваю. Например, на строительных объектах, где ребята-чувашки есть. Когда я работал на стройке начальником участка, у меня были ребята-чувашки. Мы все по-чувашски. У меня руководители ругались: „Чего вы там гыр-гыр?“ А я говорил, что они по-чувашски лучше поймут, что нужно делать. Руководство, конечно, прислушивалось. А куда деваться?» (Василий П., 39).

Тем не менее, некоторые респонденты говорили о том, что в Москве не всегда приветствуется использование других, кроме русского языков, в общественных местах. «Два года назад в метро с подружкой едем и шушукаемся. Нам же удобно на своем языке! Зачем я буду язык ломать? На каком мне удобно, на таком и буду! Хоть на иностранном: хоть на арабском, если мне удобно! И одна сидит и говорит: „Вы думаете хорошо, что на своем языке разговариваете?“. Я говорю: „Слушайте, девушка, а что вы в этом плохого видите? Что в этом стыдного? Я никого не убиваю, не ворую, ничего плохого не делаю. Я разговариваю так, как мне удобно!“ Я так была удивлена тогда! Я в шоке была потом. А подружка: „Это что за девушка была? Почему она запрещает нам на своем языке говорить? Я, может, не понимаю по-другому!“» (Ирина Н., 44).

Что касается письменной коммуникации, то лишь один человек, представитель старших когорт, в выборке в первом поколении заявил: «родителям я писала на чувашском. Я последнее письмо три года назад папе написала, полтора года назад он умер. Сейчас уже в последние годы редко, потому что телефон. Но я все равно писала!» (Надежда Л., 53). Однако молодые члены московской диаспоры заметно чаще пользуются чувашским на письме. Об этом можно судить не только по их собственным признаниям: «соцсети — только чувашские группы, это все чувашское у меня. Раскладка сейчас у меня на работе русская, я не сделала чувашскую. А так — мы комментируем русскими буквами на чувашском, переписываемся на чувашском языке» (Эльвира Е., 38), но и по страничкам в социальных сетях, в которых, как выяснилось, общение действительно ведется на чувашском языке. В основном, это делается намеренно: «если пишешь на чувашском, и кто-то на работе зайдет, не поймет, о чем речь!» (Эльвира Е., 38), «с чувашами — по-чувашски. Для меня это нормально, у меня нет никакого стеснения, никакого комплекса — ну не всем же быть русскими, правильно? Я свободна в этом плане! В течение дня это переписка на чувашском языке, я переписываюсь с подружками по-чувашски. У меня есть раскладка — и на работе, и дома. Они тоже к этому привыкли, мои подружки. Я их приучила! Они мне писали по-русски, сейчас они уже пишут мне по-чувашски. Я ненавязчиво, я просто постоянно отвечала по-чувашски, они тоже постепенно переходили» (Оксана А., 25).

Во втором поколении лишь 13% опрошенных используют чувашский в коммуникативной функции, это те, кто активно владеет чувашским. Но в целом, родители неохотно передают детям родной язык, в результате складывается следующая ситуация: «русский мне родной, чувашский мне не как английский, он более, конечно, родной, но без такого интереса как русский» (Карина П., 19).

Квазикоммуникативная функция

Обратная ситуация наблюдается при использовании членами московской диаспоры чувашского в **квазикоммуникативной функции**: язык употребляется в ограниченном пространстве курсов чувашского языка, которые в течение ряда лет по инициативе активистов, как преподавателей, так и самих учащихся, проводятся бесплатно при полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве.

В первом поколении лишь 2% опрошенных имеют непосредственное отношение к курсам, остальные респонденты либо поддерживают идею организации курсов, но сами их не посещают, либо разделяют весьма распространенную точку зрения, высказанную одной из респонденток: «Я вообще не вижу целесообразности этого. Потому что в принципе язык не распространен в Москве, здесь это совершенно не нужно делать. Но я могу предположить, что кому-то нужен чувашский язык на курсах. Но для себя не вижу смысла их посещать. Потому что там изучают литературу, язык с азов. Кто-то только начинает изучать. Но я знаю, что там есть люди разных возрастов — и молодые, и в возрасте люди. Это все же пользуется популярностью» (Елена Т., 34).

По словам одного из непосредственных организаторов и преподавателей курсов, «это осознанно приходящие люди, и поэтому с ними работать легче. То есть, это не то, что школа в городе, обязателька, когда тебе родители говорят: «Зачем ты учишь этот чувашский? Когда еще он тебе пригодится?». Естественно, это уже в подсознании ребенка откладывается, что да, чувашский язык — это язык второго сорта, это язык, с которым нет будущего у тебя, причем нигде. Нет интереса, значит. А если нет интереса, то и не учится язык. А здесь — наоборот. Интерес есть у ребят. Абсолютный» (Евгений С., 31).

В первом поколении в нашей выборке чувашский на курсах изучают уроженцы крупных городов Республики, которые в свое время не изучали чувашский язык в школе: «в то время вообще стеснялись чувашского. Даже если приезжали из деревень, то в основном старались говорить на русском. На курсах я оказался, потому что просто чувствовал какой-то дискомфорт, что не знаю чувашского языка. Ну вернее... не „не знаю“ .., а плохо знаю. Причем такого дискомфорта в молодые годы я не испытывал. У меня такое после сорока началось. Корни свои узнать» (Александр М., 44).

Во втором поколении в нашей выборке, напротив, 20% опрошенных имеют отношение к курсам. «Это дети тех родителей, которые не передали язык, либо оба родителя — чуваша, либо один из них. В любом случае, они, к сожалению, передали язык. И они очень хотят его выучить и интересуются» (Оксана А., 25). Однако отношение молодых родителей, этнических чувашей, в настоящее время,

кажется, немного меняется. «Очень много родителей, которые хотели бы в Москве детей чувашскому обучить, это из тех, кто переехали в свое время, когда им было по 25 лет в Москву. Здесь они, собственно говоря, устоялись, здесь дети родились. В принципе, у них русский язык уже. Но к нам они приводят детишек, чтобы чувашский изучать, но для них нужна отдельная группа» (Евгений С., 31)⁴.

Однако, в целом, по словам преподавателей, трудность заключается в том, что, во-первых, «время крайне ограничено, занятия проводятся всего раз в неделю и акцент прежде всего на грамматике. Когда знаешь грамматику, легче освоить лексику» (Оксана А., 25). Во-вторых, на уроках со взрослыми учащимися преподаватели не ограничиваются учебниками, поскольку «в учебниках мало адаптированных текстов в плане грамматики, а синтаксис вообще слабо освещен. Приходится самой искать тексты, составлять к ним упражнения» (Оксана А., 25). Более того, «сами учебники рассчитаны на чувашей, изучающих чувашский, это не для тех, кто изучает его как иностранный. Лексика мало подходит для реалий города. К примеру, текст о том, как „мы с мамой сажаем морковку“. Такой учебник рассчитан на деревенский уклад, деревенский образ жизни. Отсюда стереотипы: если чувашский, то вышивка обязательно, *тухья*, костюм. Язык далек от современного мира, непременно должны быть картинки людей в костюмах. Эти стереотипы — в головах. Тема чувашского языка всегда связана с культурой и историей» (Оксана А., 25).

С целью уйти от подобных стереотипов в 2016 году возникла идея создать группу изучения чувашской литературы, однако «не классической чувашской литературы, а современной, чтобы показать, что чувашская литература — это не только Константин Иванов» (Оксана А., 25). Помимо этого, в Москве по инициативе преподавателя курсов чувашского языка функционирует разговорный клуб чувашского языка «Аванклуб», задачами которого являются «знакомство с единомышленниками, интересными людьми, приглашенными для проведения лекции; пополнение лексики путем проведения игр на чувашском языке; совместный просмотр фильмов; обсуждение интересных и актуальных тем на чувашском языке» (Оксана А., 25).

Эмоциональная функция

В выборке 34% опрошенных в первом поколении (во втором лишь активные билингвы — 13%) отметили, что выразить **эмоции, как-то: плакать, смеяться или грустить** — им проще только на чувашском языке или на чувашском в том числе (подавляющее большинство респондентов призналось, что «без языка»). «Эмоции только на своем, на чувашском» (Анна М., 65). «Эмоции? Радость, наверное, все-таки это коренное, точно я на чувашском» (Николай Д., 57). «Раз в году или 9-го мая, например, вспоминаю отца, который воевал, вспоминаешь родственников, которых уже нет, плачешь — и это на чувашском! Глубинные эмоции» (Владимир М., 62).

⁴ Замыслы преподавателей осуществились в ноябре 2016 года, когда была открыта группа изучения чувашского языка для детей.

Более того, представители первого поколения, называвшие родным русский язык, тем не менее заявили, что с чувашским языком у них тоже связаны эмоции. «Я иногда раньше, хоть я не знал языка, специально приезжал на Казанский вокзал к поезду, приходящему из Чебоксар, чтобы пройти по перрону, послушать чувашскую речь! Меня очень трогало. Не понимаю даже, но чувствовал, что родное!» (Вячеслав Л., 62). «Знаете, что я заметила! Недавно, когда были на Новый год в Чебоксарах, я ощутила в первый раз за всю свою жизнь, когда услышала чувашскую речь, что я соскучилась! По вот этой речи! Я даже когда в Москве хожу, когда слышу казахов, татар, ощущение внутри какой-то искренней радости. Как хорошо, приятно слушать! То есть все равно, на старости лет это начинается, хоть я и не старая» (Ирина О., 33).

В ходе обследования респонденты первоначально затруднялись ответить на вопрос о том, на каком языке/языках они обычно выражают эмоции. Интересно, что после уточнения, что «эмоции» включают в себя спектр «смеяться, плакать, грустить», именно мужчины все равно не могли ответить на вопрос, тогда как женщинам это уже не составляло труда. Однако, как только мужчин — и активных, и пассивных билингов — спрашивали о том, на каком языке они обычно ругаются, выражая и таким образом свои эмоции, они заявляли следующее: «иногда бывает и на чувашском здесь, когда сильно психуешь и выходишь из себя» (Евгений Б., 27)», «за рулем, бывает, на чувашском ругаешься» (Дмитрий М., 33), «ругаться — на русском, но высказывают тоже иногда на чувашском. Как-то не задумывался. Сам с собой только» (Валерий Т., 59), «чувашки — специфическая нация. Одно время говорили, что у них нет нехороших слов, матерщины. Хотя там все-таки немного все-таки есть. Но иногда у меня выходит какое-нибудь слово. Здесь. Под настроение!» (Владимир Н., 58).

На чувашском приходится выражать свои эмоции в гневе и женщинам (14% женщин, представительниц исключительно младших возрастных когорт, в выделенной нами группе, тогда как мужчин — 24%): «А вот если ругаться — то вот здесь можно вспомнить маму и ругаться чаще на чувашском!» (Екатерина П., 28). «Как придется, могу и по-русски. Но если не понятно, могу и по-чувашски, чтобы понятнее было!» (Алина Н., 27).

Другие функции

Респондентам был задан и вопрос о том, на каком языке **им снятся сны**⁵. Большинство опрошенных ответили, что «без языка», «не помню», «трудно сказать», однако 27% в первом поколении и 13% во втором отметили, что сны им снятся и на чувашском в том числе. «И на чувашском, и на русском. И так, и так бывает» (Станислав Г., 32).

Респонденты заявили, что им доводится видеть сны на чувашском в ряде случаев.

Во-первых, это связано с определенным местом на малой родине в Чувашии. «Если что с деревней нашей связано, то на чувашском» (Вера Т., 52), «когда с

⁵ Функция была предложена Т.Б. Агранат.

домом связано, то на чувашском» (Эльвира Е., 38), «если мне снится мой родной дом. Именно старый деревянный дом, пятистенок, хотя там он давно уж переделан, его давно нет! Вот он мне снится на чувашском» (Раиса А, 59).

Во-вторых, сон на чувашском будет связан с определенным человеком, с которым в жизни респондент общается на чувашском языке. «Если маму или папу вижу, то на чувашском снятся» (Ирина Н., 44). «Сны... опять — кто в этих снах. Если родители, естественно, и на чувашском могут сниться. Свекровь может на чувашском сниться, и по-чувашски разговаривать» (Татьяна И., 35). Также во сне на чувашском респонденты разговаривают с ушедшими из жизни родственниками и близкими, с которыми и в детстве разговаривали по-чувашски: «на чувашском было, я там с дедушкой общалась, да, бывает» (Эльвира Е., 38), «я сны вижу и с матерью разговариваю. На чувашском. Когда она умерла, я прямо мучилась, каждую неделю мать видела до года. Прямо вот... все по-чувашски!» (Роза О., 45).

В-третьих, сон на чувашском языке может быть связан с каким-то событием, имеющим непосредственное отношение к малой родине: «очень часто сны на чувашском, безусловно. Тоска по родине есть, не знаю откуда, у меня самый частый сон: мне снится свадьба брата. Видимо, это такой яркий отпечаток был, лет десять назад была свадьба. Абсолютно чувашская. Снится, как тетки выходят в народных костюмах, такие нарядные, красивые, как лебеди. И гордые они стоят, и бабушки к ним подходили старенькие, что, типа, вы как артистки! Они просили их повернуться: можно ли дотронуться до ваших украшений? Да, на чувашском вижу это» (Евгений С., 31).

Резюмируя вышесказанное, приведем ответ одной из респонденток: «и на чувашском, и на русском. Это связано, наверное, с какими-то событиями. Если я вижу во сне какого-то человека, с кем я общаюсь на русском, я думаю — на русском. Если какое-то событие, где там кто-то связан с чувашским, с кем я могу пообщаться на чувашском, тогда на чувашском. Наверное, так» (Елена Т., 34).

Лишь 1% респондентов в нашей выборке и только в первом поколении использует чувашский язык в **сакральной функции** как посредник в общении с душами умерших родственников. «Я сейчас уже на пенсии, но столярничаю, деревяшками занимаюсь, всякое делаю. Мой дед на старости лет тоже столярничал. И у него столярка была, и он мастером хорошим был, оконные рамы делал! И вот, когда что-то не получается или заказов нет, я вспоминаю его и говорю тогда на чувашском языке: „Помоги дед, Марк Никанорович, у меня ничего не получается, у меня нет заказов!“ . Иногда, мне кажется, когда я его очень прошу, мне потом заказ приходит, вроде опять жить начинаешь» (Владимир М., 62).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что распределение и виды функций чувашского языка в диаспорной среде московского региона целиком зависят от поколения.

В первом поколении наряду с символической функцией языка, особенно возрастающей в связи с проживанием вне малой родины, лидируют также фатическая, эмпатическая, коммуникативная и конспираторная функции.

Во втором поколении ввиду угасания коммуникативной функции язык играет скорее роль символа групповой идентификации, в значительно меньшей степе-

ни — роль тайного языка у тех, кто в определенной мере владеет чувашским языком, однако те, кто не знают чувашского, но испытывают тягу и интерес к корням, способствуют развитию квазикоммуникативной функции чувашского в рамках курсов и кружков по изучению чувашского языка в Москве. Сакральная и эмпатическая функции были указаны лишь представителями первого поколения, ввиду того, что они непосредственно связаны со степенью владения языком, с коммуникативной функцией. Сводные данные приведем в таблице 3.

Таблица 3

Распределение функций чувашского языка в диаспоре московского региона

Функции	Поколение I	Поколение II
символическая функция	0%	5%
фатическая функция	2%	7%
эмпатическая функция	69%	—
конспираторная функция	46%	27%
квазикоммуникативная функция	2%	20%
коммуникативная функция	57%	13%
эмоциональная функция	34%	13%
сны	7%	3%
сакральная функция	1%	—

© Куцаева М.В.

Дата поступления: 15.06.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст. / под ред. И.И. Бойко и А.В. Кузнецова. Чебоксары: ЧГИГН, 2015.
2. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
3. *Зассе Х.-Ю.* Теория языковой смерти // Социоллингвистика и социология языка / Отв. ред. Н.Б. Бахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 433—458.
4. *Кондрашкина Е.А.* Сферы общения и язык // Язык и общество. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 460—464.
5. *Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко.* М.: Институт языкознания РАН, 2006.

УДК: 811'512.111'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145

**FUNCTIONS OF THE CHUVASH LANGUAGE
IN MOSCOW REGION DIASPORA GROUPS**

Marina V. Kutsaeva

Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)
1 building 1, B. Kislovskiy side-street, Moscow, Russia, 125009

Abstract. This article deals with the functions of the Chuvash language in diaspora groups: it is a titular language in the Chuvash Republic of the Russian Federation, yet mainly spread in diaspora groups, in the case of this study it is a diaspora group, inhabiting Moscow and Moscow region. The survey is based

on the study of around 100 Moscow diaspora members, who claim to be ethnic Chuvash. The paper states and covers a number of functions of the Chuvash language in diaspora: symbolic, phatic, empathetic, communicative, quasi-communicative, conspiratorial functions, as well as makes an attempt at determining a language or languages which help respondents to express their emotions or dreams. As a result, a distribution of the functions of the Chuvash language has been established depending on the first or the second generation, a number of regularities and patterns have been brought to light, that mainly deal with the use of the language under certain circumstances in diaspora groups.

Key words: the Chuvash language, diaspora, functions of the language

REFERENCES

1. Alos i Font, H. (2015). Survey of the language situation in the Chuvash Republic: collected articles under the editorship of I.I. Boyko and A.V. Kuznetsov. Cheboksary: Publishing House of Chuvash State Institute of Humanities. (in Russ.).
2. Guboglo, M.N. (1998). Languages of ethnic mobilization. Moscow. (in Russ.).
3. Sasse, H.-J. (2012). Theory of language death. In *Sociolinguistics and sociology of the language*. SPb.: Publishing House of European University in St Petersburg. pp. 433—458. (in Russ.).
4. Kondrashkina, E.A. (2016). Spheres of communication and the language. In *Language and society*. Moscow: Publishing centre “Azbukovnik”. pp. 460—464. (in Russ.).
5. Dictionary of Sociolinguistic Terms (2006) under the editorship of V.Yu. Mikhal’chenko. Moscow: the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). (in Russ.).

Для цитирования:

Куцаева М.В. Функции чувашского языка в диаспоре московского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1131—1145. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145.

For citation:

Kutsaeva M.V. (2017) Functions of the chuvash language in moscow region diaspora groups. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1131—1145. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145.

Marina V. Kutsaeva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1131—1145. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1131-1145.

Сведения об авторе:

Куцаева Марина Васильевна, соискатель ФГБУН Институт языкознания РАН; научные интересы: социолингвистика, урало-алтайские языки; e-mail: moscoop@yandex.ru

Bio Note:

Kutsaeva Marina Vassilievna, post-graduate at the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences); *Scientific Interests:* sociolinguistics, ural-altaic languages; e-mail: moscoop@yandex.ru